

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Академик И. И. Мещанинов, Члены предложения в части речи. Издательство Академии Наук СССР, Москва — Ленинград, 1945; стр. 1—321, тираж 4300 экз.

Творческое освоение и развитие сталинского учения о языке органически связано с освобождением советской лингвистики от ошибок антимарксистской «теории» акад. Н. Я. Марра и его «учеников», а также с разоблачением и преодолением всех буржуазно-идеалистических концепций в области языкознания. В своих ошибочных взглядах на язык и законы его истории Н. Я. Марр и его последователи в ряде пунктов прямо смыкались с идеалистическими теориями зарубежного буржуазного языкознания (ср. влияние Кассверера, Леви-Брюля, Шухардта на Марра и т. п.). И. В. Сталин нанес сокрушительный, уничтожающий удар по всем основным положениям «нового учения» о языке, которые в качестве той или иной завески обнаруживаются в разных разветвлениях этого учения. Тем самым И. В. Сталин дал нам острое оружие для борьбы со всеми разновидностями марризма, в том числе и такими, в которых общие идеи акад. Н. Я. Марра показывались в перелицованном, замаскированном виде, нередко в сопровождении довольно случайно подобранных цитат или случайно набранных мыслей из самых разнообразных языковедческих сочинений — отечественных и зарубежных — очень пестрой идеологической окраски.

«Новое учение» о языке лишено внутреннего единства. В течение своего больше чем двадцатипятилетнего существования оно испытывало большие колебания и даже потрясения. В борьбе за жизнь и аракчеевское господство оно делалось за разные буржуазно-идеалистические теории, хотя и продолжало пользоваться общими принципами марризма: принципом единства глоттогонического процесса, принципом стадийного развития языка и мышления, пониманием языка как надстройки, продолжало культивировать намычки отрыва мышления от языка, подмены языка субъективно-идеалистической семантикой, продолжало внедрять в советское языкознание антиисторическое презрение к законам развития отдельных конкретных языков.

Для характеристики идеологических патаний «нового учения» о языке в 40-е годы очень показательна работа акад. И. И. Мещанинова «Члены предложения в части речи» (1945), некоторыми своими сторонами примыкающая к предшествующей книге этого ученого «Общее языкознание» (1940).

Книга акад. И. И. Мещанинова «Члены предложения в части речи» получила широкое распространение далеко за пределами научно-профессиональных языковедческих кругов. Она во многом определила у нас направление и ход грамматических рассуждений по разным национальным языкам в течение целых пяти лет — с 1945 г. до лингвистической дискуссии в 1950 г. Эта книга изучалась преподавателями языков в средней школе, она рекламировалась в методических журналах «Русский язык в школе», «Иностранные языки в школе» и др. Влияние этой работы проникло в школьную практику. Ущерб, нанесенный этой книгой развитию нашей отечественной грамматики, изучению грамматического строя языков народов Советского Союза, очень велик.

В книге «Члены предложения в части речи» акад. И. И. Мещанинов ставит своей целью проследить «единный процесс языкового развития» (стр. 4) в сфере членов предложения и частей речи посредством их, как он выражается, «многостадийных сравнений» (стр. 319). Перед нами — попытка построения типологической грамматики языков разных систем, открыто противопоставленная сравнительно-исторической грамматике родственных языков. Только такая универсальная грамматика разнотипных языков объявляется «популярной исследователю» (стр. 319).

В качестве методологического образца стадийно-типологических построений выдвигаются работы акад. Н. Я. Марра, который, по словам акад. Мещанинова, «дал возможность сравнивать в историческом разрезе совершенно, казалось бы, друг от друга отличающиеся языковые структуры, рассматриваемые как этапы общего процесса развития речи, названные им стадиями» (стр. 5). В основу грамматических рассуждений кладется мысль того же Марра о том, что «выделение членов предложения

повело к образованию частей речи» (стр. 6). Однако задача И. И. Мещанинова в книге «Члены предложения и части речи» состояла не в том, чтобы показать стадийные смены и взрывы в образовании и развитии членов предложения, а из них частей речи, а в том, чтобы, выкорчевая, так сказать, на поверхность разностадийные типы предложения, о которых говорилось в предшествующей работе автора — в «Общем языковедении», и разместив их в одной плоскости, сопоставить их между собой при помощи так называемых «нонтийных категорий».

Таким образом, в книге «Члены предложения и части речи» априорная схема стадийного развития конструкций предложения остается как бы за кулисами, но она присутствует в скрытом виде. Как известно, в учебном пособии И. И. Мещанинова «Общее языковедение» в качестве исходного пункта стадийного движения взято словопредложение инкорпорированных языков, из него выводится предложение с двумя инкорпорированными комплексами (как, например, в гилицком). Дальнейшее движение этой синтаксической структуры происходит у И. И. Мещанинова по двум путям: с одной стороны, отсюда будто бы развиваются местоположенный и притяжательный (послестепенный) строй предложения, с другой стороны — строй эргативный который на следующей стадии — согласно стадийной догме — должен всюду трансформироваться посредством «взрыва» в строй номинативный, присущий, например, индо-европейским, финно-угорским и тюркским языкам. Задача такого сравнительно-стадийного синтаксиса по словам И. И. Мещанинова, — «показать процесс расчленения слова-предложения на его составные, еще инкорпорированные, части, разбивку этих последних на грамматически оформленные слова, связанные между собой синтаксическими показателями, т. е. показателями синтаксических отношений»; а затем — думать И. И. Мещанинов — «удастся, будем надеяться, установить причины этих изменений, сводящихся к изменению нормы сознания, а в конечном итоге — к изменению общественной практики»¹.

В книге «Члены предложения и части речи» эта априорно-стадийная схема развития конструкций предложения, не считаясь с фактами истории отдельных конкретных языков и групп родственных языков, — налицо. Все изложение опирается на нее. Анализ способов выражения синтаксических отношений начинается здесь с «инкорпорирования полного». В нем, по словам И. И. Мещанинова, «отражается далеко не примитивное восприятие окружающей действительности» (стр. 23). Инкорпорированная конструкция — «это уже предложение, а не лексическое построение» (стр. 24). И тут характерно марровское выведение грамматического строя из лексических элементов. Далее идет «инкорпорирование частичное». Предложение этого типа, по словам И. И. Мещанинова, «выступает уже не единым комплексом, а «сочетанием ряда комплексов» (стр. 27). Легко заметить отражения прежней стадийной схемы развития конструкций предложения и в последующем анализе синтетизма, согласования (ср. особенно стр. 43—48), замыкания (стр. 55—56), примыкания (стр. 68—70), сепаративации (стр. 79—84).

Следовательно, перед нами — отрезки, куски, как бы обрывки той стадийно-синтаксической цепи, которая была изобретена и продемонстрирована в «Общем языковедении». Поэтому неправильные толки, будто бы в работе И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» содержится отказ или отход от марровского принципа стадийности в развитии речи.

Марровская «теория стадийности» обнаруживается в книге «Члены предложения и части речи» еще и в том, что тут И. И. Мещанинов, как и позднее в брошюре «Новое учение о языке на современном этапе развития» (1948), допускает перевоплощение языка из одного типа в другой, признает революционную ломку, «взрыв» языка, например, в процессе образования письменности. «Литературные языки, в особенности вновь возникающие у бесписьменных до того народов, — заявляет И. И. Мещанинов, — значительнейшим образом видоизменяют строй речи, в особенности синтаксис. Они вводят новые нормы построения предложения, оформления входящих в его состав слов...» (стр. 19).

Правда, в «Членах предложения и частях речи» видны колебания, видна неуверенность автора, который, по его собственному, более позднему сообщению, старался «перейти к работам чисто описательного характера в надежде накопить новый материал и вернуться к вопросам стадийного строя предложения»².

При признании единства языкообразовательного процесса отказ от «теории стадийности» привел бы к превращению так называемой сравнительной грамматики разносистемных языков в универсальную «идеологическую грамматику», т. е. к полному и притом антиисторическому отождествлению языка и мышления и, в силу априоризма, к разрыву мышления и языка, при очень своеобразном доморощенном понимании «мышления» или «норм сознания». Несомненно, что книга «Члены предложения и части речи» отражает колебания автора между двумя видами идеалистических построе-

¹ И. И. Мещанинов, Общее языковедение, 1940, стр. 103 и 110.

² «Изв. АН СССР, Отд. литературы и языка», т. VIII, 1949, вып. 5, стр. 487—488.

ный — стадийно-типологическим и априорно-«понятийным». Впрочем, оба эти вида антиисторических упражнений в области так называемой «философской грамматики» не так далеки друг от друга, как кажется некоторым по первому впечатлению.

И. И. Мещанинов, воспользовавшись традиционно-синтаксическими понятиями согласования, управления и примыкания, но придав им еще более неопределенный, абстрактный, разноречивый смысл и присоединив к ним понятия инкорпорирования, синтетизма, замыкания, сепаратизации и локализации, увидел в этих «синтаксических приемах» универсальные, всеобщие, свободные от исторического развития способы выражения синтаксических отношений во всех языках мира.

Так, легко, с полным пренебрежением к истории отдельных языков и групп родственных языков, к законам их развития, к сравнительно-историческим грамматикам родственных языков, ко всем другим элементам грамматического строя в их развитии и прежде всего к морфологическим процессам — был найден мнимый ключ к соотносительной характеристике разнотипных языковых структур. Сам И. И. Мещанинов так пишет об этом (на стр. 105), привешивая к своим рассуждениям и отголоски принципа стадийности:

«Присутствие одних синтаксических приемов, выделение некоторых из них как ведущих и отсутствие других приемов могут служить основанием для характеристики целых языковых структур. Так, например, прием инкорпорирования характерен для гильокского языка, почему и весь строй этого языка может быть назван инкорпорирующим. Локализация и примыкание морфологически неоформленных слов служат основанием для выделения аморфных языков. Во многих языках из числа северных, американоазиатских, индейских, африканских, афетических и др. большую роль в построении предложения играет синтетизм. В зависимости от большей или меньшей степени развития синтетизма, от того, проявляется ли тенденция его к взаимной связи слов предложения распределенном по ним соответствующих показателях или к сосредоточению этих показателей в отдельных словах предложения, присваивается языковым структурам наименование синтетических и агглютинативных. Сосредоточение же за такими показателями синтаксической значимости не за каждым из них, взятым в отдельности, а в их неразрывной связи с оформляемым ими словом, ведет к выделению флективных языков... Усиление самостоятельного значения слов в предложении с постепенным отпадением флективного оформления и усилением в связи с этим приема примыкания для синтаксически связанных внутри предложения слов и локализации для главных членов предложения, при широком использовании служебных частей (предлогов и пр.) — ведет к переходу на аналитический строй.

Каждая отдельная языковая система делает основной упор на использование тех или иных синтаксических приемов. Наиболее из них характерными и основными являются... инкорпорирование, полное и частичное, интонация и синтагма (интонация и синтагма, несомненно, попали в этот ряд случайно, по недоразумению. — В. В.), синтетизм, согласование, замыкание, примыкание, управление, сепаратизация и локализация (местоположение).

При помощи этих синтаксических приемов проводится построение самого предложения» (стр. 105).

Таким образом, антиисторизм так называемого «нового учения» о языке в книге И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» возводится в принцип грамматического исследования всех языков мира, в принцип построения сравнительно-типологической грамматики. Такая постановка вопроса о задачах и сущности грамматики, прямо противоположная учению И. В. Сталина о грамматике как показателе огромных успехов народного мышления, о развитии и совершенствовании грамматического строя языка, опираясь у И. И. Мещанинова на типичное для «учеников» Марра отрицание языка как целого и внутренних законов его развития, на неправильное понимание структуры языка, на ошибочное смешение грамматики с очень своеобразно представляемой семантикой.

В самом деле, иллюстрации из разнотипных языков приводятся И. И. Мещаниновым без всякого внимания к историческому развитию этих языков, к разным грамматическим системам в их исторических изменениях, к связи и взаимодействию разных сторон грамматического строя. Вот — типичный пример:

На стр. 74 И. И. Мещанинов цитирует мнение А. Мейе о том, что строй предложения в «индоевропейском языке» определялся в основном приемом примыкания. Любопытно, что А. Мейе подчеркивает резкие отличия «индоевропейского предложения» в этом отношении от развившейся позднее структуры предложения в отдельных языках индоевропейской семьи, например в латинском. Он так и пишет: «В индоевропейском не было «управления» одного слова другим, как, например, в латинском»³. Но И. И. Мещанинов сразу же переносит этот принцип на все индоевропейские языки в их современном состоянии, игнорируя соображения по этому вопросу А. А. Потебни,

³ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, 1938, русский перевод под редакцией и с примечаниями Р. Шор, стр. 362—363.

Д. Н. Овсяннико-Куликовского, А. А. Шахматова и др. Он по этому случаю даже слегка полемизирует с Мейе, ссылаясь на русские примеры: *я сдую вкамен* и *я боюсь вкамена*. По словам И. И. Мещанинова, «отнесение всего за счет примыкания, признаваемое наиболее характерным для индоевропейского синтаксиса, ставит этот прием в наименее ясное положение» (стр. 75).

Точно так же, без всякого исторического и грамматического обоснования — признаки языка одного грамматического строя переносятся на другой, от него далекий. Это особенно ярко сказывается, например, в изложении явленной сепаратизации, между прочим, сепаратизации форм винительного падежа прямого дополнения в русском языке. Под «сепаратизацию» подводятся самые разнородные синтаксические связи: — и *читать роман, пить вино, думать свои думы, и в нашем саду на высоких деревьях ближе к пруду* (во фразе: «в нашем саду на высоких деревьях ближе к пруду свили себе гнезда какие-то прелестные птички»), и *на врага* (в словосочетаниях: «принимать участие в атаке на врага»). Объяснение последнего примера настолько характерно невероятной путаницей синтаксических понятий, что нельзя не привести относящиеся сюда соображения автора — в его собственном изложении: «... В предложении «принимать участие в атаке на врага» (почему это словосочетание названо предложением, — непонятно. — В. В.) на самостоятельное место выделяется лишь последнее косвенное дополнение — *на врага*, тогда как прямое дополнение — *участие* — не выделяется на самостоятельное место, так как смыкается с семантикой глагола (ср. *участвовать*). Слово *участвовать* (принимать участие) уточняется в своей лексической семантике, передавая в предложении одно содержание сказуемого со словом в *атаке*. *Принимать участие в атаке* представляет собой содержание действия, что и требуется предикативным содержанием данного членения предложения (и тут неясно, о каком членении и о членении какого предложения идет речь. — В. В.). Сказуемое, по своему содержанию, уже закончено, поэтому указание на того, кто именно атакуется, добавляется уже смысловой стороной всего предложения и поэтому выделяется из состава группируемых сказуемых слов на самостоятельное место косвенного дополнения. Этот пример сепаратизации членов предложения с определенным их размещением в составе всего синтаксического построения не выделяет, как мы видим, прямого дополнения на свою особую позицию» (стр. 87—88). Любопытно, что, наряду с этими случаями, И. И. Мещанинов к сепаратизированным формам относит в русском языке и именительный падеж в роли подлежащего.

Полное пренебрежение к истории тех языков, из которых извлекается акад. И. И. Мещаниновым иллюстративный материал, приводит автора к грубейшим ошибкам в самых элементарных грамматических вопросах. Вот пример. Об образовании русских деепричастий И. И. Мещанинов пишет: «Деепричастие сопоставляется с глаголом не только единством основы, но и близостью форм. Так, например, в русском языке оформление несовершенного вида деепричастия проводится в параллель к 3-му лицу множественного числа настоящего времени глагола, ср. *говоря — т, смотря — т, терпя — т* и др.» (стр. 261). Уже не говоря о различии ударений деепричастий и форм 3 л. множ. числа в двух последних глаголах, всякий филолог, мало-мальски знакомый с сравнительно-исторической грамматикой славянских и, шире, индоевропейских языков, знает, что категория деепричастия в славянских языках образована на основе форм причастия. Кроме того, непосредственное знакомство с современным русским языком приводит к выводу об отсутствии близости форм у деепричастий и 3 лица множественного числа настоящего времени в таких, например, случаях: *кляня — клянут, щебеча — щебечут, рисуя — рисуют, признавая — признают* и мн. др. под.

Отрицание языка как целого, отрицание структуры языка в сталинском ее понимании, отсутствие правильного марксистского понимания связи и взаимодополнения разных элементов грамматического строя ярко сказывается у И. И. Мещанинова в освещении роли и места синтаксиса в структуре языка и в освещении словарного состава к грамматике. Синтаксис в работе И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» (как и в других его работах) рассматривается как идеологическое ядро языка, как прямое воплощение «действующих норм сознания». Ссылаясь на Марра, И. И. Мещанинов усматривает в синтаксическом строе языка «основные устои как синтаксической, так и лексической стороны речи» (стр. 5). Синтаксис в понимании И. И. Мещанинова (так же как и проф. С. Д. Кацнельсона) организует лексику и определяет формирование лексических группировок. Синтаксический строй, по учению И. И. Мещанинова, развивается не путем освобождения от частного и конкретного на основе абстрагирования. Напротив, он погружен в частное и конкретное, насыщен им и всецело обусловлен им. «Синтаксический прием, — замечает И. И. Мещанинов, — может получить свое отражение в лексической форме». «Синтаксическая функция может перейти в лексическую» (стр. 15). «Выступая в предложении, — говорят И. И. Мещанинов, — слово используется в нем, отвечая его лексическому содержанию» (стр. 4). «Лексические группировки должны рассматриваться в неразрывной связи с членами предложения» (стр. 5). Так синтаксис съедает морфологию и подчиняет себе лексику. Морфология же смешивается то с лексикологией, то с синтаксисом. «В морфологии, т. е. в учении о построении слова, — пишет И. И. Мещанинов, — выделяется как лекси-

ческая его сторона, так и синтаксическая» (стр. 16). В другом месте И. И. Мещанинов выражается еще неопределеннее: «Учение о слове, как бы его ни именовать, морфологией или лексикой...» (стр. 11). Противопоставление морфологических показателей синтаксическим, по мнению И. И. Мещанинова, совершенно условно (стр. 112). «Синтаксис, — по словам И. И. Мещанинова, — проникает все отделы грамматики, в том числе и лексику и даже фонетику». «Сама фонема, — учит И. И. Мещанинов, — выделяется в языке по ее значимости, как различителя лексической семантики слова и как отличителя синтаксического его значения» (стр. 10).

Вместе с тем все в языке, согласно концепции И. И. Мещанинова, твердо стоящего на позициях акад. Н. Я. Марра, поглощено семантикой. «Задание, даваемое содержанием высказывания, превалирует над всем. «Семантика слова в известной степени обуславливает его синтаксическую роль в предложении» (стр. 4). С другой стороны, «каждое даже полнопоное слово приобретает в предложении долю синтаксической семантики» (стр. 10). Лексическая и синтаксическая семантика взаимно проникают одна другую, они неразрывны. «Лексическая семантика слова приобретает в предложении свой особый оттенок, присущий ему в данном предложении» (стр. 10). По мнению И. И. Мещанинова, грамматика рассматривает не только и даже не столько правила изменения слов и правила сочетания слов в предложениях, сколько самое «содержание высказывания». «В грамматике, — заявляет И. И. Мещанинов, — рассматривается не только то, что формально выражено, но и то, что должно быть выражено. Поэтому формальная сторона рассматривается как результат передачи теми или иными синтаксическими приемами определенного содержания законченного высказывания или его части. Содержание и форма являются, таким образом, взаимосвязанными сторонами одного грамматического целого, причем форма находится в зависимости от содержания. Отсюда можно было бы прийти к заключению, что в грамматике рассматривается содержание высказывания и его грамматическое выражение в предложении» (стр. 168). Таким образом, грамматика — в понимании И. И. Мещанинова — не только не отвлечается, не абстрагируется от конкретности содержания, от конкретных слов и конкретных предложений, но — в первую очередь — рассматривает именно это конкретное «содержание высказывания». Растворяя и нивелируя грамматические и лексические значения слов, семантика уничтожает грамматику и, вместе с тем, придает ей всеобщий, универсальный, космополитический характер. В «Членах предложения и частях речи» ярко проявляется то злоупотребление семантикой и та переоценка ее значения, которые, как показал И. В. Сталин, — завлекли последователей «нового учения» о языке в болото идеализма. Относя члены предложения к синтаксической стороне речи, а части речи — к лексическому составу языка, И. И. Мещанинов пишет: «Оба они имеют свое семантическое назначение и свои формальные отличия. Семантическое их назначение оказывается общим их признаком, свойственным всем языкам, в которых существуют данного рода членения предложения и словарного запаса языка» (стр. 11). Но эти общие, универсальные семантические признаки, не знающие национально-языковых и исторических различий, «получают, — по словам И. И. Мещанинова, — в разных языках разное свое формальное выявление» (стр. 11). А так как, по И. И. Мещанинову, в отличие от универсальных, общих для всех языков, внеисторических семантических признаков членов предложения и частей речи, «грамматические категории являются теми признаками, которыми они (т. е. члены предложения и части речи) характеризуются в каждом конкретном языке» (стр. 11), то, следовательно, грамматика может быть возведена в ранг семантики только посредством отказа от исторического анализа самих грамматических категорий. И тут несколько не помогает делу предупреждение, что «монизм глоттогонического процесса, выявляя общее во всех языках, вовсе не устраняет специфических особенностей каждого языка в отдельности» (стр. 12).

Погруженные в туман этой мировой, универсальной, глоттогонической семантики, оторванной от реальной истории языков и народов, а также от реальной истории мышления, «нормы сознания» в представлении И. И. Мещанинова раздвигаются. Свободные от «природной языковой материи», они вмещают в себя — наряду с логическими категориями — еще особую систему «понятийных категорий» в роли связующего звена между языком и мышлением.

Эти «общие начала», общие смысловые «понятийные» категории лишь «скрыты и затуманены внешними формальными расхождениями». «На этой почве, — пишет акад. И. И. Мещанинов в том же году, когда вышла в свет его книга «Члены предложения и части речи», — вскрывалась та движущая основа, которая объединяет внешнее многообразие языковых форм». Ведь разные грамматические формы в языках разных систем, даже весьма далекие друг от друга, могут оказаться выразителями одного и того же назначения и носителями одного и того же содержания. На этой почве укрепилось положение об едином глоттогоническом (языкотворческом) процессе»⁴. Таким обра-

⁴ И. И. Мещанинов, Н. Я. Марр, «Изв. АН СССР, Отд. литературы и языка», т. IV, 1945, вып. 3-4, стр. 107.

зом, учение об едином глоттогоническом процессе (в стадильном развитии и стадильной смене синтаксического строя) получает мнимую опору в идеалистической гипотезе, что «понятийные категории» — как связующее звено между единством человеческого мышления и многообразием языков человечества — одни и те же для всех языков мира и, в сущности, для всех эпох развития отдельных конкретных языков.

В работе «Члены предложения и части речи» акад. И. И. Мещанинов учит, что «понятийными категориями передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде. Эти понятия не описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе. Те понятийные категории, которые получают в языке свою синтаксическую или морфологическую форму, становятся... грамматическими понятиями» (стр. 196). Следовательно, различаются внеязыковые «понятия, существующие в данной общественной среде», и языковые понятийные категории. Так утверждается существование «огороженных мыслей», свободных от природной звуковой материи, не находящихся выражения «в самом языке». Мышление отрывается от языка. Вместе с тем, по утверждению И. И. Мещанинова, сами понятийные категории «без их выявления в языке»... «остаются в области сознания» (стр. 198), т. е. существуют лишь как «категории сознания», не осуществившие, не реализовавшие еще своей потенции воплощения в языке. Тут характерно признание двух типов мышления — внеязыкового, или доязыкового, и мышления языкового, типичное для многих идеалистических концепций языка (ср. мнения по этому вопросу Вандриеса, Курловича, Бенвениста и др.).

При сопоставлении разных систем языков «решающим выступает», — говорит акад. И. И. Мещанинов в своей позднейшей работе «Новое учение о языке на современном этапе развития», — общность содержания, общность того понятия, которое передается различными языками. При сходстве норм сознания на определенном этапе развития общественной среды и в языке создаются под их воздействием выдержанные системы понятийных категорий, образующие группировки слов по их формальным и семантическим признакам, и их объединения в предложениях и синтаксических группах (именуемые иногда «синтагмами»), зависимые значения одних слов от других (выражение атрибутивности и т. д.)... Формальное их выражение по языкам может быть совершенно различным, вводя многообразие внешних форм для передачи объединяющего их единства⁶.

Таким образом, «понятийные категории» выделяются не путем анализа «материи и формы» того или иного конкретного языка, они привносятся в него извне, они как бы накладываются на систему любого языка. «Понятийное» осмысление форм и конструкций — в силу отсутствия исторического подхода к их изучению — в работах И. И. Мещанинова — иллюзорно. Да и число «понятийных категорий», которые ложались в основу сопоставления языков у И. И. Мещанинова и его учеников, было ничтожно, и создаваемая с их помощью схема стадильного языкового развития поражала крайним примитивизмом. Семантика, основанная на понятийных категориях, привела И. И. Мещанинова и его последователей к метафизической схоластике.

Необходимо отметить еще одну черту в работе И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи». Может показаться, что здесь сделан шаг к примирению марризма с нашей отечественной традицией в области языкознания и с достижениями зарубежной лингвистической науки. Правда, уже сразу представляется странной пестрота и разношерстность используемой литературы. В «Членах предложения и частях речи» И. И. Мещанинова — много чужого. Но это чужое берется на вооружение «нового учения» о языке, включается в его арсенал, используется в его интересах. Это обращение к лингвистическим трудам не-марровского толка не исключает их искажения, их переосмысления на особый, «марристский» лад.

Например, говоря о главных членах предложения — подлежащем и сказуемом, И. И. Мещанинов признает их «всегда самостоятельными» (стр. 167). В них, по мнению И. И. Мещанинова, находят свое выражение понятийные категории субъекта и предиката. Понятийные категории субъекта и предиката — «необходимые элементы» предложения во всех языках мира, и это, по мнению И. И. Мещанинова, доказывает единство глоттогонического процесса. «За счет единства глоттогонического процесса», — утверждает И. И. Мещанинов, — отнесли это «общее для всех языков явление» и Г. Пауль, и А. А. Шахматов, и О. Есперсен (стр. 168, примечание 1). Так совершенно неожиданно в число сторонников теории «единства глоттогонического процесса» попадает ряд ученых и отечественных и зарубежных — для укрепления позиций «нового учения» о языке.

Вот еще однородный и не менее характерный пример из другой, более поздней работы И. И. Мещанинова «К истории отечественного языкознания» (1949). Здесь И. И. Мещанинов так характеризует роль акад. А. А. Шахматова в истории русского языкознания: «А. А. Шахматов, придерживаясь младограмматической праязыковой теории, пошел против общепринятой схемы узкого морфологического анализа. Все же

⁶ Акад. И. И. Мещанинов, Новое учение о языке на современном этапе развития, «Русский язык в школе», 1948, № 6, стр. 3.

язык и мышление остались у Шахматова разобщенными, а психология у него, так же как и у Бодуэна де Куртэна, оказалась на месте вспомогательной для языковедения науки. Шахматов чувствовал, что это неверно. Он искал связующего звена между мышлением человека и его речью и усмотрел такое звено во «внутренней речи», передающей в формальной стороне языка выражаемые им понятия. Но этому исключительному удачному замечанию уделяется в капитальном труде Шахматова всего лишь три строчки («Очерк современного русского литературного языка», посмертное издание, 1941). В итоге Шахматов остался верен основным концепциям психологического науковедения»⁶.

Общезвестно, что акад. А. А. Шахматов, прежде всего, был историком русского языка, русской культуры и древнерусской литературы. История русского языка им рассматривалась в тесной связи с историей русского народа. Известно также, что А. А. Шахматов заложил прочные основы исторической фонетики и исторической морфологии русского языка. Пусть эти работы выдающегося представителя дореволюционной русской филологии во многом для нас теперь неприемлемы, но нельзя поставить на них крест, нельзя считать их истинными. Известно также, что А. А. Шахматов впервые после М. В. Ломоносова и А. Х. Востокова (если не относить сюда же популярного учебного пособия проф. В. А. Богородица: «Общий курс русской грамматики») дал систематическое и до сих пор еще самое полное описание грамматического строя (главным образом синтаксиса, отчасти и морфологии) современного русского языка.

Что же ставит акад. И. И. Мещанинов в заслугу акад. А. А. Шахматову, порицая его за «теорию приязыка», за разрыв языка и мышления, за психологизм. Оказывается, Шахматов «пошел против общепринятой схемы узкого морфологического анализа». Но Шахматов вовсе не отрицал морфологию, как И. И. Мещанинов. Об этом свидетельствует курс исторической морфологии русского языка («История форм»), принадлежащий А. А. Шахматову и положенный в основу исследований по русской морфологии акад. С. П. Обнорского и других советских языковедов.

Другая заслуга А. А. Шахматова перед советским языковедением, по мнению акад. И. И. Мещанинова, заключается в исключительном удачном замечании, занимающем лишь три строчки в «Очерке современного русского языка», в замечании о «внутренней речи», как связующем звене между мышлением человека и его речью. Но ведь такое связующее звено между мышлением и языком искал сам И. И. Мещанинов и нашел его в так называемых «понятийных категориях». «Понятийные категории», по словам акад. И. И. Мещанинова, служат тем соединяющим, связующим элементом, который связывает, в конечном итоге, языковой материал с общим строем человеческого мышления, следовательно, с категориями логики и психологии»⁷. Эти «понятийные категории», как уже говорилось, легли у И. И. Мещанинова и его последователей в основу сопоставления грамматического строя языков разных систем независимо от их исторического развития. А. А. Шахматов совсем не для этого понадобился «внутренняя речь», о которой говорилось тогда во всех трудах по психологии языка. Но самое странное то, что мы напрасно стали бы, вслед за И. И. Мещаниновым, искать этого «исключительно удачного замечания» в «Очерке современного русского литературного языка» А. А. Шахматова. Его там нет. Зато вопросу о внутренней речи посвящена почти целая страница в шахматовском «Синтаксисе русского языка» — в связи с изложением субъективно-идеалистической теории психологической коммуникации как внутренней суждения.

И. В. Сталин так сказал о пренебрежительном отношении Н. Я. Марра и его сторонников к лингвистическому наследству:

«Маркс и Энгельс были куда скромнее: они считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, и том числе философии, за предыдущий период»⁸.

Задача советского языковедения состоит в том, чтобы содать не фальсифицированную, а подлинную научную историю лингвистических учений, дать верную оценку достижениям дореволюционных и советских, а также зарубежных лингвистов, взять от прошлого все то ценное, поучительное, точное и истинное, что может быть и должно быть использовано для дальнейшего развития советского языковедения.

Научные, марксистские идеи о языке и его историческом развитии, выдвинутые и обоснованные И. В. Сталиным, не оставляют камня на камне от вульгарно-материалистических и идеалистических вымыслов Марра и его учеников. Труды И. В. Сталина ломают сложившиеся в так называемом новом учении о языке, в его разных разветвлениях ошибочные, антимарксистские представления о языке, о трансформации языко-

⁶ Акад. И. И. Мещанинов, К истории отечественного языковедения, Учпедгиз, 1949, стр. 25.

⁷ И. И. Мещанинов, Понятийные категории в языке, Труды Военного института иностранных языков, 1945, № 1, стр. 15.

⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языковедения, Госполитгиздат, 1951, стр. 34.

ных структур, о принципах сопоставления иносистемных языков, отрывающих историю языков от истории народов, о понятийных категориях и т. п. Они открывают советскому языковеданию широкую перспективу подлинно научного развития.

В работе И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» — при ее внимательном разборе в свете трудов И. В. Сталина по языковеданию — легко обнаруживаются все основные пороки «нового учения» о языке акад. Н. Я. Марра: положение о единстве языкотворческого процесса, как исходный пункт всего грамматического построения, принцип стабильности в развитии языка и мышления, убеждение в том, что перевоплощение языка из одного типа в другой происходит путем «варьирования», отрыв мышления от языка, особенно наглядно сказавшийся в «учении» о понятийных категориях, злоупотребление семантикой, смешение грамматики и лексики, отрицание морфологии, антиисторизм и пренебрежительное отношение к сравнительно-историческому изучению родственных языков.

Мы должны со всей остротой и прямоотой вскрывать ошибки теории Марра и его «учеников» и освобождать от них советское языковедание. Такова задача, поставленная перед нами И. В. Сталиным. Расчистка лингвистической почвы помогает и еще более поможет нам углубить развитие и убыстрить рост марксистского языковедания.

Критикуя работы И. И. Мещанинова — одного из виднейших учеников Марра, мы стремимся к одной большой цели — устранить тормозы, препятствия и преграды для развития сталинского учения о языке и помочь самому И. И. Мещанинову вступить на тот путь лингвистического исследования, на который всех нас направляет наш великий вождь и учитель — И. В. Сталин.

В. В. Виноградов

СБОРНИК «ВОПРОСЫ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ ТРУДОВ И. В. СТАЛИНА»*

В своей гениальной работе «Марксизм и вопросы языковедания» И. В. Сталин четко сформулировал задачи, стоящие перед советскими языковедами. «Ликвидация арабизмового режима в языковедании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языковедание, — говорит И. В. Сталин, — таков по-моему путь, на котором можно было бы оздоровить советское языковедание»¹.

Выпущенный Институтом истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР сборник «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина» как раз и является отчетом о проделанной молдавскими языковедами работе по реализации сталинских указаний. Об этом ясно говорится в предисловии сборника: «Авторы статей критикуют пагубные последствия так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра в Молдавии и пытаются внедрять в молдавское языковедание сталинское учение о языке на конкретном молдавском материале» (стр. 3).

Прежде чем говорить о содержании отдельных статей, следует отметить, что планировка всего сборника вызывает некоторые сомнения. Вряд ли можно что-нибудь возразить с точки зрения проблематики сборника против помещения в нем статей И. Д. Чебан «Насущные вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина», И. К. Вартичан «К вопросу о грамматическом строе молдавского языка», Н. Г. Корлятичу «О некоторых вопросах словарного состава и основного словарного фонда молдавского языка» и двух проспектов монографий вузовских учебников (А. Т. Борзи «Краткие очерки истории молдавского языка» и Н. Г. Корлятичу «Словарный состав и основной словарный фонд молдавского языка»).

Вместе с тем возникает вопрос: если в сборнике помещены статья Ф. И. Кожухарь «К вопросу об употреблении времен изъявительного наклонения в центральных говорах молдавского языка», посвященная частному вопросу молдавской грамматики, и статья М. А. Шильковой «Вопросы перестройки курса методики русского языка в педвузах и педучилищах Молдавии», касающаяся хотя и очень важной, но не имеющей прямого отношения к молдавскому языковеданию проблемы, то почему в сборнике не отражена работа молдавских лингвистов над вопросами применения сравнительно-исторического метода в изучении молдавского языка, не поставлена проблема взаимо-

* Сб. «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина», Гос. изд-во Министерства просвещения МССР «Шкоала советикэ», Кишинев, 1951, отв. ред. И. Д. Чебан.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языковедания, Госполитиздат, 1951, стр. 34.